А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

Мещеряков Александр Николаевич
доктор исторических наук
профессор, зам. заведующего,
Лаборатория востоковедения и сравнительно-исторического языкознания,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел. +7 (499) 956-96-47
профессор, Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (495) 250-65-11
главный научный сотрудник,
Институт классического Востока и античности,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.:+7 (495) 628-79-31
E-mail: meshtorop@yahoo.com

Восприятие хэйанской литературы в СССР и России[1]

Аннотация. Статья посвящена истории переводов японской литературы эпохи Хэйан (IX–XII вв.) в СССР и постсоветской России. Восприятие японской литературы в СССР менялось в соответствии с веяниями эпохи: от подчеркивания «инаковости» Японии в 1920-е годы к вписыванию ее в международный контекст согласно марксистской теории в 1930-е и, далее, к превращению ее в идеальную страну для «внутренней эмиграции» в 1970-е.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, СССР, перевод, история востоковедения, литература

В название статьи вынесены слова о восприятии хэйанской литературы в России. Таким образом, действующими лицами в этом процессе являются две стороны, и речь должна идти не только о хэйанской литературе как таковой, но и о России. Историческая судьба последней оказалась такова, что огромное влияние на восприятие японской литературы оказывали не только культурные, но также политические и социальные факторы. Поэтому в статье такое значительное внимание уделяется российскому историческому контексту.

[1] В основу статьи положен доклад, прочитанный в марте 2017 г. на конференции «Réécrire le Roman du Genji: traduire, commenter, adapter» (Париж).

© А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-116-133

До революции 1917 г. японская литература была представлена в России крайне немногочисленными переводами. В основном это были переводы поэзии, выполненные с европейских языков. Переводов прозы, тем более классической, почти не существовало. Интерес к японской культуре подпитывался преимущественно за счет «жапонизма», который затрагивал прежде всего изобразительное искусство. Однако возникшее после Русско-японской войны осознание необходимости более глубокого знакомства с культурой и литературой Японии уже созрело. Русские студенты стали направляться в Японию для обучения. Примечательно, что большинство из них были филологами. К их числу относятся в первую очередь такие замечательные специалисты, как С. Г. Елисеев, Н. А. Невский, Н. И. Конрад. С. Г. Елисеев стал первым европейцем, который получил диплом Токийского императорского университета[2]. Его выпускная работа была посвящена творчеству Басё. Конечно, число специалистов по японской культуре и литературе было невелико, но они имели хорошие наработки. Однако до революции в силу своего возраста эти специалисты еще не успели развернуться в полную силу.

Историю переводов и восприятия японской классической литературы в XX–XXI вв. можно грубо разделить на три этапа: довоенный, послевоенный (до начала 1990-х годов, т. е. до распада СССР) и постсоветский. На таблице (см. с. 129–130) видно распределение переводов хэйанской литературы в зависимости от исторического периода. Легко заметить, что это распределение крайне неравномерно: бóльшая часть переводов приходится на постсоветский период. Это, однако, как будет показано, вовсе не означает, что именно после распада СССР влияние японской литературы на ум русского человека было наибольшим.

Довоенный период

Революция многократно усилила разруху, принесенную Первой мировой войной, но одновременно породила множество надежд и проектов — социальных, культурных, литературных. Среди последних особенно выделялось издательство «Всемирная литература», основанное М. Горьким в 1919 г. Оно имело скорее просветительские, чем политические задачи, и ставило своей целью знакомство читателя с лучшими произведениями мировой литературы — классическими и современными, западными и восточными. В программном заявлении о деятельности «Всемирной литературы» говорилось, что «делается впервые попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе, соединив их с памятниками литератур Запада» [Горький 1919: 5]. Таким образом, ставилась задача представить мировой литературный процесс во всем его многообразии. В своих кратких воспоминаниях, изданных на японском языке, С. Г. Елисеев отмечал, что в программу японской части издания входили «Манъёсю», «Кокинсю», «Синкокинсю», «Гэндзи моногатари», «Хэйкэ моногатари», Ихара Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмон «и т. д.» [Санович 2008: 285][3]. Что кроется

[2] Жизни и деятельности С. Г. Елисеева посвящена недавняя монография [Марахонова 2016].

[3] Написание произведений японской литературы не унифицировано. Мы приводим эти названия согласно современным более или менее принятым нормам. При ссылках на русские переводы сохраняется написание, зафиксированное в оригинале.

под этим многозначительным «и т. д.», остается только гадать — ни одно из указанных произведений и ни один из авторов под эгидой «Всемирной литературы» изданы не были.

Характеризуя предполагающуюся серию, С. Г. Елисеев писал в 1920 г., что русский и европейский читатели плохо знакомы с литературой Востока вообще и с японской литературой в частности.

> Поверхностному наблюдателю может показаться, что незнание литературы искупается в Европе знанием японского искусства, о котором существует много книг на европейских языках и образцы которого собраны в музеях столичных городов Европы. Но так ли это? Разве можно понять искусство, не зная основ дальневосточной эстетики, не будучи знакомым с духовной культурой, которая лежит в основе миросозерцания художника? ‹…› Мы надеемся, что, предпринятое «Всемирной литературой» издание произведений японских писателей разрушит то однобокое представление об этой литературе, которое могло сложиться под влиянием чтения отрывков плохих переводов и еще менее удачных переделок [Елисеев 2000: 242–243][4].

Лексикон С. Г. Елисеева, с помощью которого он описывает цель проекта, избежал влияния коммунистической риторики. Он писал:

> Знакомство с богатой и прекрасной по форме литературой Японии должно бережной рукою приподнять угол завесы над чужою душой; должно открыть нам ее красоту в иных отражениях человеческой мысли и помочь нам лучше понять Дальний Восток и тем увеличить многогранность нашей души [Там же: 284].

Таким образом, Елисеев воспринимал японскую литературу как отражение души японца, у которого есть чему поучиться европейцу. Для того расистского и не слишком политкорректного времени это был неординарный подход.

Планы «Всемирной литературы» были поистине грандиозными: предполагалось издать 4 тысячи (!) книг, однако издательство просуществовало только до 1924 г. и выпустило 120 книг, что, впрочем, тоже не так мало, учитывая разруху того времени. Особенно отрадно, что в 1921 г. вышел первый в мире перевод «Исэ моногатари», выполненный Н. И. Конрадом [Исэ моногатари 1921]. До его появления вышло 27 книг западных авторов. «Исэ моногатари» оказалась первой и последней книгой японистической серии «Всемирной литературы».

В этом же 1921 году вышел и появившийся в академическом журнале перевод «Ходзёки» (к этому времени уже существовали переводы «Ходзёки» на английский и французский языки), выполненный тем же Н. И. Конрадом [Конрад 1921: 315–350]. После этого полных переводов классической японской литературы в России не появлялось очень долго, хотя в стране имелось немало специалистов достаточной квалификации. Но книгоиздание находилось под полным контролем государства, которое интересовали другие проблемы и другие книги.

[4] Все цитаты приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

Н. И. Конрад хотел представить академический перевод «Ходзёки» с параллельным текстом, однако разруха (оказалось, что ни научной литературы, «ни шрифта, ни подготовленных наборщиков, ни иных нужных средств более нет» [Исэ моногатари 1979: 174]) помешала осуществлению такого типа издания, и перевод вышел в «облегченном» виде. Отсутствие типографских возможностей для воспроизводства оригиналов сказывалось и в дальнейшем.

В предисловии к «Исэ моногатари» Н. И. Конрад обосновывает выбор этого памятника для перевода тем, что он (наряду с «Кокинсю» и «Гэндзи моногатари») является одним из трех главных произведений, которые определяют для японцев лицо национальной литературы: повесть принадлежит к той эпохе, «которой суждено было в отношении художественной литературы стать воистину “классическим”, золотым веком, недосягаемой вершиной литературного творчества — эпохе Хейан» [Исэ моногатари 1921: 7–8].

Отечественные японисты признавали влияние китайской традиции на Японию, но в то же самое время прокламировали и своеобразие японской литературы. Констатируя, что Китай оказал огромное влияние на формирование японской литературы, С. Г. Елисеев замечает, что внимательный («благорасположенный») читатель все равно увидит «японское дно и побеги национального духа» [Елисеев 2000: 252]. Н. И. Конрад был согласен с ним.

При первых переводах дальневосточной классики происходила выработка языка, который мог быть применен по отношению к миру с другими подходами и реалиями. Это касается и Китая (переводы В. М. Алексеева, 1881–1951), и Японии, что продемонстрировал Н. И. Конрад в своем переводе «Исэ моногатари». Этот язык заметно отклонялся от стандартного русского языка своего времени. В предисловии к «Исэ моногатари» Конрад декларировал сознательность такого подхода:

> Принципов, положенных в основу перевода, очень немного, и они очень несложны: верность подлиннику в образах его, в последовательности этих образов и в эмоциональном их содержании. Поэтому я сознательно жертвую иногда правильным ходом русской фразы для создания того специфического эмоционального контура, который, как мне казалось, существует в японском тексте [Исэ моногатари 1921: 34].

В этом пассаже заключено признание особости эмоционально-литературной жизни хэйанцев, которая не передается с помощью обычных средств стандартного русского языка.

Конструирование нового языка в востоковедении соответствовало духу того времени; под воздействием воздуха революции стало казаться, что в этом мире нет ничего неизменного, изначально и навсегда данного. Одна из первых реформ советской власти — это реформа письменности. Идея самообожествления человека, которая все ярче проявлялась в европейской культуре со времени Возрождения, оставляла Богу все меньше места в этом мире. «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог» — эта евангельская формула о тождестве божественного и лингвистического сознательно и бессознательно подвергалась пересмотру. Для человека оставалось все меньше областей неприкосновенного. Этот человек отбирал у Бога все больше божествен-

ных функций. И уж тем более это касалось советского времени, когда атеизм сделался одной из главных составляющих государственной идеологии. В своем предельном выражении это было конструирование «зауми», проповедники которой (Велимир Хлебников, Алексей Крученых и др.) в предвосхищении грядущей революционной вольницы отказывались от норм естественного языка. Русская поэзия и проза того времени полны языковых экспериментов и новизны. Революционный отказ от «старого» во всех его проявлениях провоцировал на поиски нового языка. В этим условиях и развертывалось языковое творчество востоковедов. Но только они пытались отразить реалии не столько новейшего, «небывалого» времени, сколько другой культуры.

В чем же виделась эта инаковость японской литературы? Обрисовав социальный фон, на котором происходило развитие японской классической литературы (неравномерность распространения книжности, статусное и имущественное неравенство, огромное влияние Китая), в предисловии к «Исэ моногатари» Н. И. Конрад говорит далее об эстетизме, утонченности и эмоциональности (чувственности), пропитавших образ жизни аристократов и их литературу, которую он считает порождением образа жизни. Конрад не воспринимает «Исэ моногатари» как сборник фрагментов, для него эта повесть — «музыкальная пьеса, написанная на одну тему, с ее сложной и разнообразной разработкой. Основная тема — любовь, с ее неисчерпаемой многогранностью…» [Исэ моногатари 1921: 31]. Поэтому он определяет жанр «Исэ» не общепринятым ныне термином *ута моногатари*, а как «лирическую повесть».

В своем анализе Конрад не забывает специально отметить высокое положение женщины в хэйанском обществе. Этот тезис был весьма актуален для советской идеологии, озабоченной идеей гендерного равенства. Поскольку в первой половине 1920-х годов брак и семья официально считались «предрассудком», то «свободная любовь» и сексуальная свобода хэйанских аристократов были созвучны веяниям революционного времени.

В 1927 г. крошечным тиражом в 800 экземпляров вышла книга «Японская литература в образцах и очерках», в создании которой помимо Конрада приняли участие и другие японоведы [Конрад 1927]. В ней представлены следующие (в основном частичные) переводы: «Кодзики», «Кокинсю», «Исэ моногатари», «Ямато моногатари», «Гэндзи моногатари», «Ходзёки», «Хэйкэ моногатари», несколько *ёкёку*, стихи Басё, рассказы *ёмихон*.

В этой хрестоматии отношение к хэйанской литературе не претерпевает существенных изменений. Эта литература предстает как отражение гедонистического образа жизни аристократов. Понятие гедонизма употребляется в нейтральном ключе, но его словесное выражение приводит Конрада в восторг.

> Глубокого содержания в этой литературе нет, нет проникновенности и философской серьезности; налицо, в лучшем случае, только легкое касание серьезных сторон мира и жизни. Но зато — подлинное царство изящного вкуса, утонченности, изощренной чувствительности, элегантности; высочайшее достижение художественного слова, как такового, блеск формального мастерства, зенит словесного искусства. Иными словами: самая полная и рафинированная «эстетическая установка» при обращении к окружающему миру и человеческой жизни, и блестящее искусство в пользовании словом [Там же: 90].

Восхищение формальным мастерством вряд ли может быть признано случайным. По всей вероятности, Конрад находился под определенным обаянием работ популярной тогда школы формализма (ОПОЯЗ). Кроме того, в этом восхищении японской литературой несомненно сказалось и русское литературоцентричное сознание.

Советская власть проповедовала национальное равенство, отказ от европоцентризма, она надеялась на «пробуждение Востока». В связи с этим предпринимались активные усилия для введения восточных литератур в информационный оборот. Если говорить о современной японской литературе, то в 1920–1930-е годы на русском языке появились произведения Акутагава Рюноскэ, Танидзаки Дзюнъитиро, Нацумэ Сосэки, Кикути Кан, Арисима Такэо, Симадзаки Тосон, Кобаяси Такидзи, Миямото Юрико, Токунага Сунао, Фудзимори Сэйкити, Хаяси Фусао и др.

Со второй половины 1930-х годов для классической литературы наступают самые темные времена, ибо она стала оцениваться сугубо с классовых позиций, как средство порабощения «народных масс». Тем не менее в 1935 г. вышел сборник «Восток», в котором были представлены переводы (в основном частичные) из китайской и японской классической литературы [Восток 1935]. Из японской литературы туда попали норито, «Такэтори моногатари», «Тоса никки», «Гэндзи моногатари», «Макура-но соси», стихи-*вака*, *ёкёку* «Ян Гунфей», Басё («Оку-но хосомити»), *гунки*, Ихара Сайкаку, Кинро Гёся, а также айнский фольклор.

В предисловии к сборнику 1935 г. Н. И. Конрад расставляет акценты поновому. Если раньше речь шла о своеобразии японской литературы, то теперь она в большей степени вписывается в мировой контекст. Марксизм предлагал единую для всех стран теорию социально-экономических формаций, каждое общество было «обречено» на последовательное прохождение одних и тех же стадий. Такое же единообразие предлагалось для культурных и литературных форм. В связи с этим Конрад говорит о «литературе эпохи феодализма» — в основе такой классификации лежит не литературный, а исторический принцип. Конрад выделяет типичные для каждой эпохи жанры, которые имеют приблизительно одни и те же характеристики в любой стране. Так, относительно *гунки* Конрад заключает:

> Япония имеет свой полноценный феодально-героический эпос, и только отсутствие знания о нем в мировом литературоведении и у западных читателей обусловливает то обстоятельство, что мы не находим «Повести о Тайра», «Повести о великом мире», а также «Повести о Йосицунэ» на почетном месте рядом с «Песней о Роланде», «Поэмой о Сиде», «Словом о полку Игореве» и им подобными памятниками словесного творчества минувших феодальных эпох [Там же: 269–270].

Вместе с тем существуют и такие высоты, на которые невозможно подняться Востоку (Данте), зато на Востоке есть полноценный реалистический роман («Гэндзи моногатари»), там есть жанр *дзуйхицу*, отсутствующий на Западе. Конрад также отмечает, что в области работы над словом Восток превосходит Запад: «в области словесного мастерства наиболее развитые явления в сфере феодальной литературы мы находим на Востоке» [Там же: 11].

В кратком предисловии к главе «Кирицубо» из «Гэндзи моногатари» Н. И. Конрад решительно меняет прежние оценки хэйанской литературы. Если раньше речь шла о ее гедонистичности и эмоциональности, культе любви и сексуальности, то теперь главным признаком повествования объявляется его реалистичность, напоминающая Флобера [Там же: 166]. В таком изменении подхода слышны веяния нового периода советской истории, когда эксперименты и духовная дерзость первых послереволюционных лет уступили место жестким поведенческим канонам. Для литературы это означало, что ее основной ценностью является «реализм» (применительно к СССР имевший эпитет «социалистический»), и Н. И. Конрад пытался по мере своих возможностей соответствовать этой установке, «подгоняя» классическую японскую литературу под это требование. При таких установках теряют смысл рассуждения о структуре произведения, формальный подход к литературе вообще. Формализм же в середине 1930-х годов подвергся гонениям и разгрому.

Создавая единую схему мирового литературного процесса, созвучную требованиям официальной идеологии, японоведы одновременно выявляли человеческое измерение японской литературы. Так, характеризуя жанр *дзуйхицу* на примере «Записок у изголовья», Е. М. Колпакчи замечает:

> Главное очарование «Записок у изголовья», однако, не в этих чисто формальных достоинствах. Очарование их — в их непосредственной интонации, в том, что через десять веков к нам доносится живой человеческий голос далекой среды и эпохи [Восток 1935: 185].

И здесь следует отметить, что такой подход, ставящий во главу угла человека, был чужд официозу, ибо это в корне противоречило установкам идеологии коммунизма в его советском изводе, делавшим упор на всеобщности историко-культурного процесса, в котором важен не столько человек, сколько движение классов и «народных масс». В гуманитарной науке ведущую роль играли не филологи, а историки. Показательно, что в изданной в 1939 г. первой в СССР истории Японии в разделе, посвященном эпохам Нара и Хэйан, личные имена субъектов исторической деятельности практически отсутствуют [Жуков 1939]. Неудивительно, что сборник «Восток», вся суть которого состояла в выявлении авторской индивидуальности (пусть и ограниченной рамками «феодального общества»), удостоился разгромной рецензии, в которой, в частности, утверждалось, что синтоистские молитвословия *норито* «были средством угнетения и эксплоатации» [Мацокин 1935: 102].

После сборника 1935 г. новых переводов классической японской литературы пришлось ждать долго — война не способствовала мирным штудиям, многие ведущие японисты были арестованы как «японские шпионы». Если говорить о переводчиках сборника «Восток», то Н. А. Невский погиб, в лагерях оказались Н. И. Конрад, Е. М. Колпакчи, А. Е. Глускина.

Послевоенный период

Возобновление переводов японской классической литературы относится уже к послевоенному времени, отсчет которого следует начинать со смерти Сталина в 1953 г. С этого момента идеологические ограничения начинают

медленно ослабевать. Однако это сказывалось не столько в критике и прямом реформировании советской системы, сколько в допущении в культурное поле таких элементов, которые не имели прямого отношения к господствующей идеологии.

Возвращение японской классической литературы началось с поэзии. Первый крупный сборник под нейтральным названием «Японская поэзия» вышел в свет в 1954 г. тиражом в 35 000 экземпляров и удостоился сразу трех положительных рецензий, а через год был переиздан. В этом сборнике значительное место было уделено древней и средневековой поэзии в переводах А. Е. Глускиной и В. Н. Марковой. Предисловие написал Н. И. Конрад, который утверждал, что аристократическая поэзия является продолжением поэзии народной:

> Народное творчество было источником поэзии литературной не только в историческом отношении, но и в том смысле, что последняя, даже став самостоятельной отраслью поэтического творчества, продолжала пользоваться разнообразными образами и приемами, созданными в народной поэзии [Японская поэзия 1954: 4].

Делая это утверждение, Н. И. Конрад не грешил против истины, но следует помнить, что усиленное подчеркивание «народности» японской поэзии вполне укладывалось в официальный литературоведческий дискурс того времени, когда понятие «народный» было определением с исключительно положительными коннотациями, поскольку противопоставлялось правящему («эксплуататорскому») классу.

Отметив, что некоторые японские поэты (такие как Яманоуэ Окура) не обошли вниманием тему бедности, Конрад выделяет главную тематику придворных поэтов:

> Но все же прежде всего и больше всего эти поэты воспевали любовь. Любовная лирика — такова в своей большей части японская придворная поэзия раннего средневековья. О любви говорится и там, где внешне как будто бы и нет слов о любви, где кажется, что поэта вдохновляла только природа. Природе посвящено очень много стихов, так что можно говорить о лирике природы как о целом направлении в ранней японской поэзии, но и в ней звучат те же мотивы любви, только нашедшие свое выражение в образах природы [Там же: 5].

Возвращение в послевоенную советскую литературу любовной тематики, не отягощенной социальными коннотациями, оставляло за бортом «классовый подход» и приближало литературу к человеку. По моему глубокому убеждению, демонтаж советской идеологии начался в 1950-е годы вместе с легитимацией любовной темы в литературе и искусстве. Парадоксальным образом японская классическая поэзия сыграла в этом процессе значительную роль. Выход указанного сборника поэзии опередил и разоблачение культа Сталина (1956), и появление многих «аполитичных» произведений на русском языке.

Популярность японской классической поэзии (которая включала в себя и *хайку*) среди советской интеллигенции была огромной. В ее популяризации

особенно большая роль принадлежала замечательной переводчице В. Н. Марковой, которая, по выражению В. С. Сановича, вывела японскую литературу из положения «конфессионального японоведения» [Санович 2008: 324]. И дело здесь не только в достоинствах самой поэзии и в таланте переводчицы, которая и сама была незаурядным, но не публиковавшимся при советской власти поэтом[5].

Вряд ли нужно лишний раз говорить о том, что при переводе любых стихов происходит грандиозная трансформация исходного текста. В случае с японской поэзией в текст «вчитывалось» еще больше, чем при переводах с других языков. Все-таки японские стихи коротковаты для читателя, воспитанного на более протяженных текстах, а потому многие переводчики безжалостно дополняли их словами и эмоциями, которых не было в оригинале. Однако эти обстоятельства никого не волновали, потому что задача состояла совсем не в том, чтобы понять исконные смыслы японской поэзии.

Чем же были любезны читателям японские стихи в их русском переложении? Иными словами, каким потребностям, которые не могли быть удовлетворены отечественной словесностью, отвечала японская поэзия?

Читатель тосковал по лирике, которой была обделена текущая советская поэзия. Произведения великих русских поэтов XX в. либо находились под запретом, либо печатались мизерными порциями, так что их творчество практически не было известно широкому читателю. В условиях жесткого идеологического диктата официально признаваемая поэзия увлекалась эпическими темами (революция и война), темами политическими и социальными, «гражданственностью». Метафора «борьбы» была движущей силой этой литературы. Даже природа вызывала не столько желание пребывать с ней в гармонии, сколько генерировала метафоры, связанные с ее покорением и борьбой со стихией[6].

В официальном языке той эпохи «аполитичность» считалась бранным словом, однако многие читатели тосковали именно по аполитичности. Избранные переводы из японской классической поэзии не были отягощены идеологическими коннотациями и воспринимались как чистая лирика. В представлении читателя японские поэты воспевали только любовь и природу, его душа затворялась в том крошечном и уютном мире, где не было ни партийности, ни классовой борьбы. Чистая лирика превращалась в чистый эскапизм, бегство в мир с иными ценностями. И это было не конструирование нового русского языка, а возвращение к традиции, языку русской классики. Перевод японской архаики на современный русский язык лишал ее архаичности, делал современной.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов стала заметна эрозия советского строя и идеологии, когда индивидуалистические ценности стали постепенно вытеснять ценности коллективистские. Эти тенденции видны и в советской литературе, и в том, какие произведения иностранной литературы появлялись на свет. Япония при этом находилась на особом счету: в традиционной культуре Японии советские власти видели альтернативу «бездуховной» потребительской культуре американского типа, а читатели видели в ней идеальную страну для «внутренней эмиграции» [Мещеряков 2014: 45–55].

[5] Стихотворное творчество В. Н. Марковой представлено в [Маркова 1992].
[6] См. подробнее: [Мещеряков 2016].

Занятие письменным переводом классики пользовалось огромным уважением среди той части гуманитарной интеллигенции, которая не соотносила себя с советской картиной мира. Многие выдающиеся писатели и поэты писали «в стол», их произведения не издавались, и они зарабатывали на жизнь художественным переводом (Анна Ахматова, Николай Заболоцкий, Арсений Тарковский и др.). Советская школа поэтического перевода была действительно блестящей. Частичное объяснение этому феномену дал Арсений Тарковский: власть заткнула глотку поэтам, а теперь мы гордимся, что получили первоклассных переводчиков. Подобное вынужденное «бегство в перевод» наблюдалось не только в среде поэтов. Такую же стратегию был вынужден предпринять и блестящий китаист Л. З. Эйдлин, «скрывшийся» за переводами и отказавшийся от написания собственных изысканий, которые легко могли бы стать предметом для политических (идеологических) обвинений [Смирнов 2014: 521–542].

Занятие художественным переводом считалось делом «чистым» — оно позволяло не лгать. Если текст лгал, то это лгал автор, а не переводчик. Это был род эскапизма, усиливаемый тем, что многие выдающиеся поэты и переводчики старались переводить не современных авторов, а произведения тех эпох, которые не знали ни капитализма, ни социализма. Словосочетание «средневековая литература» обладало особо привлекательным ароматом и отдавало умеренным диссидентством. Люди, которые занимались средневековьем, напоминали монахов, сокрывшихся от скверны мира. Безусловно, власти ощущали чужеродность японской классики в советском контексте, а потому введение ее в информационный оборот позволялось лишь дозированно. Так, А. Е. Глускина закончила перевод «Маньёсю» в 1957 г., но опубликован он был только в 1971 г. Но и успех антологии был ошеломляющим, многие *танка* были даже положены на музыку.

Возвращение японской классики советскому читателю началось с поэзии, но затем настал черед и прозы. Первыми в 1962 г. увидели свет «Такэтори моногатари» и «Отикубо моногатари», которые переводчица характеризует как «волшебные сказки» [Волшебные повести 1962: 6]. В 1970 г. вышел перевод «Цурэдзурэ гуса», в 1975 — «Макура-но соси». В 1979 г. переизданы малодоступные для читателя переводы «Исэ моногатари» и «Ходзёки», а в 1982 г. вышел перевод «Ямато моногатари» [Кэнко-хоси 1970; Сэй-сёнагон 1975; Исэ моногатари 1979; Ямато-моногатари 1982]. Все указанные произведения имели значительный читательский успех. Особенно показателен успех «Цурэдзурэ гуса» и «Ямато моногатари» — переводы имели строго научный характер и были снабжены солидным филологическим комментарием, но это не помешало им завоевать сердца многочисленных читателей.

Дискурс японской классической прозы был настолько своеобразен, а интерес к ней столь велик, что появляются пародии на хэйанскую литературу. Так, добившаяся впоследствии широкой известности писательница Татьяна Толстая написала блестящую пародию после прочтения «Исэ моногатари» и «Ямато моногатари» [Толстая 1984]. А пародии, как известно, пишутся только на известные читателю произведения.

Отвечая ожиданиям читателей, переводчики усиленно подчеркивали тонкий психологизм японской классической литературы. Поскольку перевод осуществлялся на современный русский язык, советские читатели не имели тех

сложностей, с которыми сталкивались читатели японские. Жизнь японских аристократов и их камерный мир имели человеческое измерение, их переживания находили отклик и с легкостью пленяли сердца человека, утомленного советской литературой, обсуждавшей проблемы эпическо-героического размаха, за которыми судьба обычного человека становится не видна. В советском человеке воспитывали чрезмерный героизм и маскулинность, поэтому он с такой готовностью отдавал себя в объятия хэйанской литературы «женского потока». Показательно, что героическая составляющая японской литературы встретила в СССР гораздо более прохладный прием (это касается, например, «Хэйкэ моногатари» в блестящем переводе И. Л. Львовой [Повесть о доме Тайра 1982]).

Официальная идеология воспитывала утопический тип сознания, и идеальному советскому человеку была свойственна «дальнозоркость», его взгляд был устремлен в «светлое будущее», но реальные люди тосковали по оптическому прибору, который позволил бы им стать более «близорукими» и разглядеть то, что находилось у него «под носом». Японская классическая литература предоставляла такую оптическую возможность. Слабая структурированность японской прозы была необычна и привлекательна, она представляла собой альтернативу чрезмерной геометричности и агрессивности советской картины мира, разрушала ее. Место действия, декорированное иными именами, растениями и артефактами, сообщало повествованию дополнительную пикантность. Знание японской литературной классики сделалось обязательным условием для того, чтобы тебя признали интеллигентным человеком, с уст которого слетали словечки вроде «моно-но аварэ», «ваби» и «саби». Следует подчеркнуть при этом, что произведения японской классической литературы не входили в программу учебных заведений, т. е. восхищение японской литературой не имело официальной подпитки. Можно утверждать, что японская литература служила для интеллигентного советского человека материалом для конструирования такой идентичности, которая отличалась бы от официальной.

В позднесоветское время литература Хэйана играла роль отдушины. Япония вообще играла такую роль. Следует отметить, что на это время пришелся пик популярности японской литературы вообще — в СССР выходили переводы тонких и признанных на своей родине современных писателей, в произведениях которых экзистенциальная составляющая бытия явлена в большей степени, чем социальная (Нацумэ Сосэки, Кавабата Ясунари, Кобо Абэ, Танидзаки Дзюнъитиро и др.). С. В. Смоляков, основатель главного российского издательства «Гиперион», которое занимается изданием произведений японской литературы, вспоминал:

> Мои ровесники помнят, какой небывалой популярностью пользовалась в СССР конца семидесятых — начала восьмидесятых годов прошлого века японская литература. Утверждение «Басё — это наше всё» не казалось тогда преувеличением. Ночные очереди в «Академкнигу» для того, чтобы оставить заявки на только что заявленные к печати пятитомник «Гэндзи моногатари», трактаты Дзэами в «черной серии», на двухтомник Танидзаки и на немногое другое, что, при большом везении, можно было приобрести только через год или два после подачи заявки, были обычным явлением тогдашней культурной жизни[7].

[7] Личная переписка с автором статьи (2015 г.).

По этому высказыванию хорошо видно, что в сознании советского читателя японская литература — как классическая, так и современная — попадали в одну и ту же ценностную категорию.

Хэйанская литература и литература современная были не только предметом для художественного наслаждения, они служили и схожим целям — избавлению от социального. В переиздании «Исэ моногатари» (1979) недаром сознательно убраны те пассажи из предисловия Н. И. Конрада к изданию 1921 г., где «иногда слишком неопосредованно подается классовая детерминированность литературы хэйанского периода и еще недостаточно диалектически ‹…› ставится проблема литературных влияний» [Исэ моногатари 1979: 9]. Таким образом, из переиздания в значительной степени исчез социальный фон хэйанской литературы, и на первое место выдвинулась ее эстетическая составляющая, которая и вызывала наибольший интерес советского интеллигентного читателя. Чрезвычайно показательно также исчезновение в издании 1979 г. анализа того влияния, которое оказала на Японию китайская культура. Возможно, отчасти это объясняется отвратительными отношениями СССР с Китаем, но также несомненно, что к этому времени советскому человеку хотелось воспринимать Японию как совершенно самостоятельное культурное явление. Китайская составляющая японской культуры оставалась при этом на втором плане. Почти полное отсутствие переводов китаеязычных памятников эпохи Нара создавало впечатление изолированности хэйанской литературы — как от континента, так и от предыдущей словесной традиции. Поскольку интерпретаторы хэйанской литературы привычно писали о ней как о вершине художественного гения японского народа, потребителю этой литературы не оставалось ничего другого, как поверить переводчикам на слово. Это «слово» было размножено в изрядном количестве: издание «Исэ моногатари» 1921 г. имело тираж в 5150 экземпляров, переиздание 1979 г. — в 100 000.

Следует сказать несколько слов о восприятии «Гэндзи моногатари» («Повести о Гэндзи») — произведении, признанном шедевром японской и мировой литературы. Сам перевод был выполнен еще в советское время, но вышел в свет уже в новой России, в 1991–1992 гг. По всем своим параметрам эта прекрасная переводческая работа относится к позднесоветскому типу сознания. Для переводчика «Повесть о Гэндзи» — величайшее произведение как японской, так и мировой литературы. Сама же эпоха Хэйан оценивается как самый значимый период японской культуры:

> Время расцвета японской культуры, до сих пор привлекающее к себе благоговейное внимание потомков. Предшествующие эпохи лишь готовили ее пышное цветение, на всех последующих лежал отблеск ее величия [Мурасаки Сикибу 1992: 3].

Не будем обсуждать справедливость такой оценки, но отметим, что в нем фактически отрицается (возможно, и подсознательно) теория прогресса в ее марксистском изводе и утверждается, что «золотой век» остался позади — утверждение, с которым был бы согласен любой представитель традиционной дальневосточной культуры. В этом утверждении ощущается также тоска позднесоветского интеллигента, спасавшегося от засилья советских культурных штампов в культуре прошлых эпох, которая и объявлялась «настоящей».

«Повесть о Гэндзи» была прочитана интеллигенцией и произвела на нее большое впечатление, но все равно перевод запоздал — эпоха открытости, гласности и бесцензурности конца 1980-х — начала 1990-х годов обрушила на читателя такой вал русской и мировой литературы, что он накрыл собой и «Повесть о Гэндзи». С тех пор японская литература, включая хэйанскую, уже не могла претендовать на прежние стотысячные тиражи.

Постсоветский период

С точки зрения социологии литературы постсоветский период характеризуется прежде всего снятием цензурных ограничений, что обеспечило доступ читателя ко всему многообразию русской и мировой литературы. Одновременно наблюдается резкое понижение общеобразовательного уровня «среднего» читателя и сосредоточенность обывателя на проблемах here and now. То есть теперь Россия оказалась приблизительно в такой же ситуации, в которой западный мир пребывал уже достаточно долгое время. Это приобщение к потребительскому миру мгновенно сказалось на количественных показателях, имеющих отношение к японской классической литературе: количество ее читателей резко сократилось. Литература эпохи Хэйан стала достоянием профессионалов, интеллектуалов и любителей японской словесности. Но эта ситуация имеет к собственно японской литературе лишь опосредованное отношение: тиражи любой классики и «серьезной» литературы тоже значительно упали. Советская власть «подморозила» литературную классику, которая в СССР обладала очень высоким статусом. С концом СССР ситуация изменилась радикально. С научным переводом «Цурэцзурэ гуса» ознакомились самые широкие круги интеллигенции; новый перевод, рассчитанный на «широкую» аудиторию [Ёсида Канэёси 2009], обрел весьма немного читателей. А это означает, что «интеллигенция» в ее прежнем понимании перестала существовать.

В то же самое время необходимо отметить, что в постсоветский период появилось достаточно много переводов хэйанской литературы (см. таблицу на с. 129–130). В ее интерпретациях меньше рассуждений глобального характера, переводчики больше занимаются конкретикой текста и созданием полноформатной картины истории японской литературы и словесности, включающей и памятники на китайском языке (*камбуне*) [Грачев 2009]. В этой картине существенное место отведено дохэйанской словесности, которая достаточно полно представлена в работах отечественных японоведов. В настоящее время на русском языке изданы такие памятники, как *норито* и *сэммё* (1991, Л. М. Ермакова), «Кодзики» (1993–1994, Е. М. Пинус, Е. М. Ермакова, А. Н. Мещеряков), «Нихон рёики» (1995, А. Н. Мещеряков), «Нихон сёки» (1997, Л. М. Ермакова, А. Н. Мещеряков), «Санго сиики» (2000, Н. Н. Трубникова), «Когосюи» (2002, Е. К. Симонова-Гудзенко), «Синсэн сёдзироку» (2002, частичный перевод, М. В. Грачев), «Фудзивара кадэн» (2006, Е. Б. Сахарова), «Сёку нихонги» (2006–2016, свитки 1–7, А. Н. Мещеряков)[8]. Перевод «Кайфусо» (С. А. Родин) находится в печати. При таком подходе хэйанская литература предстает как один из этапов эволюции японской словесности, как этап чрезвычайно своеобразный и важный, но лишенный таких огульных характеристик, как «период наибольшего расцвета японской литературы».

[8] Подробнее см.: [Мещеряков, Родин 2015].

Итак, в последние годы переведено не так мало произведений японской классической словесности, но тиражи резко снизились. В современной России много «фанатов» японского, но для них это «японское» имеет скорее внелитературное измерение (еда, боевые искусства, икебана, бонсай, манга, аниме и т. п.). Озабоченность вызывает также тот факт, что большинство последних переводов хэйанской словесности выполнены представителями старшего поколения, которые находятся на излете своей профессиональной деятельности или уже завершили свою японистическую карьеру. Впрочем, в значительной степени это объясняется общей бедственной ситуацией в нынешней российской науке и культуре.

Основные переводы хэйанской литературы на русский язык

Название, переводчик	Год издания, тираж
Ходзёки (Н. И. Конрад)	1921 (? экз.)
Исэ моногатари (Н. И. Конрад)	1921 (5 150)
Японская литература в образцах и очерках («Кодзики» (част. пер.), «Кокинсю» (част. пер.), «Ямато моногатари» (част. пер.), «Гэндзи моногатари» (част. пер.), «Ходзёки», «Хэйкэ моногатари» (част. пер.) и др.	1927 (800)
Восток. Сборник первый. Литература Китая и Японии (Норито (част. пер.), «Такэтори моногатари», «Тоса никки», «Гэндзи моногатари» (част. пер.), «Синкокинсю» (част. пер.), «Хякунин иссю» и др.)	1935 (5 300)
Такэтори моногатари, Отикубо моногатари (В. Н. Маркова)	1962 (50 000). Много переизданий
Цурэдзурэгуса (В. Н. Горегляд)	1970 (15 000). Много переизданий.
Макура-но соси (В. Н. Маркова)	1975 (100 000). Много переизданий.
Сайгё. Санка синтюсю (част. пер.) (Т. Л. Соколова-Делюсина)	1979 (25 000)
Ямато моногатари (Л. М. Ермакова)	1982 (20 000)
Тоса никки (В. Н. Горегляд)	1983 (5 000)
Хякунин иссю (В. С. Санович)	1990 (7 000)
Гэндзи моногатари (Т. Л. Соколова-Делюсина)	1991–1993 (25 000)
Кагэро никки (В. Н. Горегляд)	1994 (20 000)
Кокинсю (А. А. Долин)	1995 (5 000). 2 переизд.
Мурасаки-сикибу никки (А. Н. Мещеряков)	1996 (3 000). 2 переизд.
Утаавасэ (И. А. Боронина)	1998 (3 000)
Сарасина никки (И. В. Мельникова)	1999 (3 000)
Оокагами (Е. М. Дьяконова)	2000 (?)
Синсэн вакасю (И. А. Боронина)	2001 (3 000)
Торикаэбая моногатари (М. В. Торопыгина)	2003 (10 000)
Идзуми-сикибу никки (Т. Л. Соколова-Делюсина)	2004 (10 000)
Уцухо моногатари (В. И. Сисаури)	2004 (1 500)
Кокинсю (новый пер., И. А. Боронина)	2005 (500)

Сагоромо моногатари, Такамура моногатари (В. И. Сисаури)	2007 (1 000)
Мумё дзоси (Ю. Е. Гвоздикова)	2007 (300)
Цурэдзурэ гуса (новый пер., А. Н. Мещеряков)	2009 (1 000)
Хамамацу тюнагон моногатари, Мацура мия моногатари (В. И. Сисаури)	2010 (1 000)
Сайгё. Санка синтюсю. Сайгё моногатари (Т. Л. Соколова-Делюсина)	2016 (2 000)

Литература

Волшебные повести 1962 — Волшебные повести. Повесть о старике Такэтори. Повесть о прекрасной Отикубо / Пер. В. Марковой. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1962.

Восток 1935 — Восток. Сб. первый: Литература Китая и Японии / Ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. М.: Academia, 1935.

Горький 1919 — Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению / Вступ. ст. М. Горького. Пг.: [б. и.], 1919.

Грачев 2009 — *Грачев М. В.* Япония в эпоху Хэйан (794–1185): Хрестоматия / Сост. М. В. Грачев. М.: РГГУ, 2009 (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та вост. культур и античности; Вып. 24).

Елисеев 2000 — *Елисеев С. Г.* Японская литература // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам): Материалы междунар. науч. конф. / Науч. ред. С. Б. Маркарьян, Э. В. Молодякова. М.: Япония сегодня, 2000. С. 242–284.

Ёсида Канэёси 2009 — *Ёсида Канэёси*. Записки на досуге / Пер. А. Н. Мещерякова. М.: Наталис, 2009.

Жуков 1939 — *Жуков Е.* История Японии: Краткий очерк. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1939.

Исэ моногатари 1921 — Исэ моногатари: Лирическая повесть древней Японии / Пер. и предисл. Н. Конрада. Л.: Всемир. лит., [1921].

Исэ моногатари 1979 — Исэ моногатари / Пер., ст. и прим. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1979.

Конрад 1921 — *Конрад Н. И.* Из японской литературы начала XIII века. Камо-но Тёмэй «Записки из кельи» // Записки Орловского университета. Сер. общественных наук. 1921. Вып. 1. С. 315–350.

Конрад 1927 — *Конрад Н. И.* Японская литература в образцах и очерках. Т. 1. Л.: Изд. Ин-та живых восточных языков, 1927.

Кэнко-хоси 1970 — *Кэнко-хоси.* Записки от скуки (Цурэдзурэгуса) / Пер. В. Н. Горегляда. М.: Вост. лит., 1970.

Марахонова 2016 — *Марахонова С. И.* Орден священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб.: СИНЭЛ, 2016.

Маркова 1992 — *Маркова В.* Луна восходит дважды. М.: Современник, 1992.

Мацокин 1935 — *Мацокин Н.* Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводах // Революционный Восток. 1935. № 6. С. 102–109.

Мещеряков 2014 — *Мещеряков А. Н.* Страна для внутренней эмиграции: образ Японии в позднесоветской картине мира // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 45–55.

Мещеряков 2016 — *Мещеряков А.Н.* Япония и Россия в объятиях пространства и времени // Полис. 2016. № 3. С. 160–172.

Мещеряков, Родин 2015 — *Мещеряков А. Н., Родин С. А.* Исследования 1991–2015 годов по истории и традиционной культуре Японии периода до конца Второй мировой войны // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиной в четверть века / Под ред. Д. В.Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2015. 212–237.

Мурасаки Сикибу 1992 — *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари): Приложение / Вступ. ст., сост., пер., подгот. ил. материала Т. Л. Соколовой-Делюсиной. М.: Вост. лит., 1992.

Повесть о доме Тайра 1982 — Повесть о доме Тайра / Пер. И. Львовой. М.: Худ. лит., 1982.

Санович 2008 — *Санович В. С.* Из истории русских переводов японской художественной литературы // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Сост. И. Н. Никулин; Отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Вост. лит., 2008. С. 247–345.

Смирнов 2014 — *Смирнов И. С.* Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М.: РГГУ, 2014 (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та вост. культур и античности; Вып. 50).

Сэй-сёнагон 1975 — *Сэй-сёнагон.* Записки у изголовья / Пер. В. Марковой. М.: Худ. лит., 1975.

Толстая 1984 — *Толстая Т.* Ута-моногатари (пересмешник для переводчика) // Вопросы литературы. 1984. № 2. С. 259–264.

Ямато-моногатари 1982 — Ямато-моногатари / Пер. Л. М. Ермаковой. М.: Вост. лит., 1982.

Японская поэзия 1954 — Японская поэзия: Сб. / Сост. и пер. А. Е. Глускина, В. Н. Маркова; Вступ. ст. Н. И. Конрада. М.: Гослитиздат, 1954.

Perception of Heian era Japanese literature in the USSR and Russia

Meshcheryakov, Alexander N.
Doctor of History
Professor, Vice-Chief,
Laboratory of Oriental Studies and Comparative Linguistics,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel. +7 (499) 956-96-47
Professor, Institute of Oriental and Antique Studies,
Russian State University for the Humanities
Russian, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-65-11
Leading Researcher,
Institute of Classical East and Antique Studies
National Research University — Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20
Tel.: +7 (495) 628-79-31
E-mail: meshtorop@yahoo.com

Abstract. In this paper, I discuss the history of translation of Heian era literature in the Soviet Union and in post-Soviet Russia. It is demonstrated that Soviet attitudes to Japanese literature to a significant degree were affected by the political trends of the epoch. Thus, while in the 1920s Japanese culture was considered to be unique and exotic, in the 1930s Soviet philologists rather tended

to regard Japan as a subject of Marxist theory and Japanese aristocratic literature was appreciated as "realistic". After the Second World War, there was a strong tendency to consider classical Japanese poetry as a form of folk culture. Conversely, in the 1970s Japanese literature became highly appreciated by Russian intellectuals because they considered Japan of the Heian epoch as an "ideal dreamland", free of false ideology and politicization.

Keywords: Heian period, Soviet Union, translation, history of Oriental studies, literature

References

Eliseev, S. G. (2000). Iaponskaia literatura [Japanese literature]. In S. B. Markar'ian, E. V. Molodiakova (Eds.). *S. G. Eliseev i mirovoe iaponovedenie (Rossiia, Iaponiia, SShA, Frantsiia, Shvetsiia, V'etnam): Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [S. G. Yeliseev and world Japanology (Russia, Japan, USA, France, Vietnam): Proceedings of an International Academic Conference], 242–284. Moscow: Iaponiia segodnia. (In Russian).

Ermakova, L. M. (Transl.) (1982). *Iamato-monogatari* [Tale of Yamato]. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Gluskina, A. E., Markova, V. N. (Transl. and Compl.), Konrad, N. I. (Preface) (1954). *Iaponskaia poeziia: Sbornik* [Japanese poetry: A collection]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian).

Gor'kii, M. (Preface) (1919). *Katalog izdatel'stva "Vsemirnaia literatura" pri Narodnom komissariate po prosveshcheniiu* [Catalogue of publications of the "World literature" publishing house at People's Commissariat for Education]. Petrograd: [n. p.]. (In Russian).

Grachev, M. V. (Compl.) (2009). *Iaponiia v epokhu Kheian (794–1185): Khrestomatiia* [Japan of the Heian epoch (794–1185): A chrestomathy]. Moscow: RGGU (Orientalia et Classica; 24). (In Russian).

Goregliad, V. N. (Transl. and Comment.) (1970). *Zapiski ot skuki (Tsuredzuregusa)* [Kenko Hoshi. Essays in idleness (Tsuredzuregusa)]. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Konrad, N. I. (1921). Iz iaponskoi literatury nachala XIII veka. Kamo-no Tiomei "Zapiski iz kel'i" [From Japanese literature of the beginning of the XIIIth century. *The Ten Foot Square Hut* by Kamo-no Chomei]. In *Zapiski Orlovskogo universiteta*. *Seriia obshchestvennykh nauk* [Papers from the University of Orel. Social sciences series]*, 1921*(1), 315–350. (In Russian).

Konrad, N. (Transl. and Preface) (1921). *Ise monogatari: Liricheskaia povest' drevnei Iaponii* [The Tales of Ise: A lyric novel of ancient Japan]. Leningrad: Vsemirnaia literatura. (In Russian).

Konrad, N. I. (1927). *Iaponskaia literatura v obraztsakh i ocherkakh* [Japanese literature in examples and essays] (Vol. 1). Leningrad: Izdanie instituta zhivykh vostochnykh iazykov. (In Russian).

Konrad, N. I. (Ed. and Comment.) (1935). *Vostok* [Orient], (Vol. 1), *Literatura Kitaia i Iaponii* [Literature of China and Japan]. Moscow: Academia. (In Russian).

Konrad, N. I. (Transl. and Comment.) (1979). *Ise monogatari* [The Tales of Ise]. Moscow: Nauka. (In Russian).

L'vova, I. (Transl.) (1982). *Povest' o dome Taira* [The Tale of the Heike]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

Marakhonova, S. I. (2016). *Orden sviashchennogo sokrovishcha Sergeia Eliseeva. Kak syn russkogo kuptsa stal osnovatelem amerikanskogo iaponovedeniia* [The order of the sacred treasure of Sergei Eliseev or How the son of a Russian merchant became the founder of American Japanology]. St. Petersburg: SINEL. (In Russian).

Markova, V. (1992). *Luna voskhodit dvazhdy* [The Moon rises twice]. Moscow: Sovremennik. (In Russian).

Markova, V. (Transl.) (1962). *Volshebnye povesti. Povest' o starike Taketori. Povest' o prekrasnoi Ochikubo* [Magic tales. The Tale of Taketori. The Tale of Ochikubo]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian).

Markova, V. (Transl.) (1975). *Sei-senagon. Zapiski u izgolov'ia* [Sei-shonagon. The Pillow Book]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

Matsokin, N. (1935). Neskol'ko zamechanii o iaponskoi feodal'noi literature i ee perevodakh [Some comments on Japanese feudal literature and its translations]. *Revoliutsionnyi Vostok* [Revolutionary Orient], *1935*(6), 102–109. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N. (Transl.). *Iosida Kaneiosi. Zapiski na dosuge* [Yoshida Kaneyoshi. Essays in idleness]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N. (2014). Strana dlia vnutrennei emigratsii: obraz Iaponii v pozdnesovetskoi kartine mira [A land for inner emigration: The image of Japan in the mind of people of the late Soviet period]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]*, 2014*(3), 45–55. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N. (2016). Iaponiia i Rossiia v ob»iatiiakh prostranstva i vremeni [Japan and Russia embraced by space and time]. *Polis, 2016*(3), 160–172. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N., Rodin, S. A. (2015). Issledovaniia 1991–2015 godov po istorii i traditsionnoi kul'ture Iaponii perioda do kontsa Vtoroi mirovoi voiny [The researches of 1991–2015 on history and traditional culture of Japan (from ancient days to the end of WWII)]. In D. V. Strel'tsov (Ed.). *Sovremennoe rossiiskoe iaponovedenie: ogliadyvaias' na put' dlinoi v chetvert' veka* [Contemporary state of Japanese studies in Russia: observing the results of a quarter of century], 212–237. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Sokolova-Deliusina, T. L. (Preface, Compl., Trans., Ed.) (1992). Murasaki Sikibu. *Povest' o Gendzi (Gendzi-monogatari): Prilozhenie* [Murasaki Shikibu. The tale of Genji (Genji monogatari)]. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Sanovich, V. S. (2008). Iz istorii russkikh perevodov iaponskoi khudozhestvennoi literatury [From the history of Russian translation of Japanese fiction]. In I. N. Nikulin (Compl.), B. L. Riftin (Ed.). *Vostochnaia klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika* [Oriental classics in Russian translations: reviews, analysis, critics], 247–345. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Smirnov, I.S. (2014). *Kitaiskaia poeziia v issledovaniiakh, zametkakh, perevodakh, tolkovaniiakh* [Chinese poetry in studies, notes, translations, interpretations]. Moscow: RGGU (Orientalia et Classica; 50). (In Russian).

Tolstaia, T. (1984). Uta-monogatari (peresmeshnik dlia perevodchika) [Uta-monogatari: A parody for a translator]. *Voprosy literatury* [Problems of literature]*, 1984*(2), 259–264. (In Russian).

Zhukov, E. (1939). *Istoriia Iaponii: Kratkii ocherk* [History of Japan: A brief sketch]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. (In Russian).

To cite this article:

Meshcheryakov, A. N. (2018). Vospriiatie kheianskoi literatury v SSSR i Iaponii [Perception of Heian era Japanese literature in the USSR and Russia]. *Shagi / Steps, 4*(1), 116–133. (In Russian).

Received November 20, 2017